

ла не только явилась новой и совершенно оригинальной графической системой, но и закрепила в своих именах и начертаниях начальный для славянской книжности символический образ мира, основанный на религиозных, философских, этических, эстетических, естественнонаучных представлениях времени. В силу исторических обстоятельств глаголица утратила роль основной системы письма. Но, выполнив эту функцию изначально, она остается символической матрицей христианского кода культуры. Символическая природа азбуки проливает свет на наследуемый, поддерживаемый богатейшей предшествующей традицией, характер славянской книжности.

Литература

1. Карпенко Л.Б. Глаголица как семиотическая система: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2000. 409 с.
2. Лихачев Д.С. Обращение к «своей античности» // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 725-731.

Халина Кудлиньска

Лодзь, Польша

Е.П. Сеничкина

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ВОПРОС О СПОСОБАХ И ПРИЁМАХ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В русистике вопрос о способах и приемах образования эвфемизмов находится на начальной стадии развития. Б.А. Ларин привел уровневую классификацию эвфемизмов, разделив их на однословные и предложения [Ларин 1961].

Е.П. Сеничкина разработала морфологическую классификацию однословных эвфемизмов [Сеничкина 2006: 87-88], которая вызвала в научной литературе оживленное обсуждение. Некоторые оппоненты морфологической классификации эвфемизмов не поняли важности грамматического подхода к заменяющим наименованиям, которые, безусловно, являются номинативными единицами языка. Рассмотрение эвфемизмов в психолингвистическом ключе или в риторическом аспекте не может отменять или исключать изучение заменяющих наименований в традиционном грамматическом подходе. Именно морфологическая классификация даёт характеристику семантики, грамматики и словообразовательных особенностей части речи, обусловивших использование её в качестве эвфемизма.

В XX в., анализируя различные виды эвфемизмов, ученые перечисляли основные способы или приемы образования эвфемизмов, представляя их списком: Ж.Ж. Варбот, Л.П. Крысин и др.

Подробную классификацию эвфемизмов польского языка по способам образования предложила в монографии Анна Домбровска [Dąbrowska 1994: 262-377]. Автор связывает процесс эвфемизации с двумя факторами: 1) формальным – при котором «улучшение» относится к плану выражения слова или высказывания; 2) семантическим – при котором «улучшение» относится к плану содержания (семантике) номинации.

К формальным средствам ученый относит фонетические (сокращение, метатеза, фонетическая субституция и аллюзия), морфологические (степени сравнения прилагательных, замена формы единственного числа формой множественного и формы повелительного наклонения формой изъянительного или сослагательного и др.) и словообразовательные (аффиксальные, аббревиация, неологизмы). Во вторую группу лексических и семантических средств эвфемизации А. Домбровска включает: синонимы, антонимы, гиперонимы, заимствования (внешние и внутренние), метафору, метонимию, перифразу, антономасию, литоту, иронию, апосиопезу и аллюзию.

Удачным для исследования системы заменяющих наименований является использование риторического описательного аппарата. Согласно такой установке эвфемистическая субституция трактуется как проявление запланированной речи и усиленной, нетривиальной, «несобственной», «необычной», т.е. вторичной языковой организации. Эвфемизация функционирует как стратегия по отношению к конкретной коммуникативной ситуации, направленная на достижение конкретной прагматической цели: передачи имплицитной информации путем зашифровки ситуативно неуместных тем и слов согласно нормам риторического этоса.

Эвфемизм, по словам В.П. Москвина, – это основное средство «соблюдения уместности речи» [Москвин 2007б: 14-20]. Тот же автор справедливо отмечает, что благодаря ему возможна и «ситуативно приемлема вербализация любых тем, любых смыслов и любых понятий» [Москвин 2007б: 23]. При этом процесс эвфемистической замены реализуется обычно с помощью относительно постоянного набора «инвариантных» приемов – фигур речи, которые – вслед за Ж. Женеттом – можно понимать как «зазор между знаком и смыслом, как пространство внутри языка <...>, имеющее, как и всякое пространство, форму» [Женетт 1998: 206, 208]. Фигуры имеют межуровневый характер, за каждой из них закреплено свое коннотативное значение.

Приемы эвфемистической замены связаны, в первую очередь, с «отклонениями от стереотипа восприятия, образования и использования языковых единиц» [Гридина 1996: 9]. Они основаны на различных разновидностях фигур и, в частности, на фигурах экспрессивной деривации, «служащих созданию номинативных единиц с выразительной внутренней фор-

мой» [Москвин 2007а: 795], которые путем деавтоматизации привычных фонетических, лексико-семантических и синтаксических структур порождают новые способы восприятия и прагматического воздействия. Таким образом единицы и знаки первичного кода переводятся в знаковую систему высшего порядка (риторический код), в которой они становятся предметом приемов, определяемых вторичными принципами. Как справедливо отмечает Ж.Женетт, «фигура – это отступление от узуса, которое в то же время само узуально» [Женетт 1998: 208].

Прием деавтоматизации привычной языковой структуры прямого наименования можно считать одним «из древнейших механизмов осуществления языковой способности как неосознаваемого владения единицами и структурами языка и порождения смыслов» [Пищальникова 2002: 73]. Отметим, что крупный польский лингвист Ежи Бартминьский рассматривает процесс эвфемизации именно как проявление языковой игры [Bartmiński 2001: 124]. Таким образом, языковая игра, представляющая собой креативную метаязыковую деятельность, строится по принципу намеренного использования самых разнообразных явлений, которые отклоняются от нормы и одновременно осознаются на фоне системы и нормы.

Как известно, фигурация речи может достигаться преобразованиями плана выражения (строения) слова и высказывания, а также преобразованиями в их содержании. Среди фигуральных способов образования эвфемизмов в русском и польском языках широко используются: 1) формальные (фонологические) приемы; 2) семантические приемы; 3) смешанные (формально-семантические) приемы.

Литература

1. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: энц. / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1998.
2. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
3. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
4. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
5. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ученые записки ЛГУ. Сер. филологических наук. 1961. Вып. 60. № 301.
6. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2007 а.
7. Москвин В.П., Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2007 б.
8. Пищальникова В.А. Языковая игра как универсальный когнитивный механизм (к проблеме межкультурной коммуникации) // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика общения. Курск, 2002.
9. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006.
10. Bartmiński J.[Red.]. Współczesny język polski. Lublin: Wyd. UMCS, 2001.
11. Dąbrowska A. Eufemizmy współczesnego języka polskiego. Wrocław, 1994.